

Юрченко Т. Г.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
В РАБОТАХ А. В. МИХАЙЛОВА
(Статья)

Ключевые слова: А.В. Михайлов; историческая поэтика; герменевтика; историзация знания; риторическая культура; история литературы; теория литературы; обратный перевод; слово культуры

В научном наследии выдающегося отечественного германиста Александра Викторовича Михайлова (1938–1995) одно из центральных мест занимает теоретико-литературная проблематика, и в первую очередь – концепция изменяемости явлений литературы, связанная с традициями исторической поэтики А.Н. Веселовского, а также с идеями немецкой герменевтики (В. Дильтей, Э. Ауэрбах, Э. Р. Курциус, Х.Г. Гадамер). По Михайлову, пишет Л. Сазонова, «точность литературоведческого исследования – в конкретно-историческом подходе к изучаемому явлению, в осмыслении его как некоторой духовной целостности и постижении его изменчивости»¹.

Не отменяя традиционной последовательности сменяющих друг друга историко-культурных эпох – античность, Средневековье, Возрождение, барокко, классицизм, романтизм, реализм – концепция Михайлова подразумевает более широкую систему координат, где, наряду с разделяющими эпохи границами, принимаются во внимание линии связующей эти эпохи общности, а также сложность и противоречивость переходов.

В центре работ Михайлова – слово: отношение к слову становится основным критерием выделения литературных эпох. В наиболее полном виде концепция ученого раскрыта в труде «Методы и стили литературы»

¹ Сазонова Л.И. *Метаморфозы и трансформации слова в историко-культурных эпохах: концепция А.В. Михайлова // Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры / Отв. ред. Л.И. Сазонова. – М., 2018. – С.121.*

(опубликован впервые в 2005 г.). По Михайлову, историю европейской литературы последовательно представляют: культура дориторического слова, продолжавшаяся приблизительно до V в. н.э., к которой принадлежит весь гомеровский стилистический пласт; затем – период культуры морально-риторической («дореалистической») или *готового* слова, где в связь приведены «знание, мораль, речь, образ человека»; и наконец, на рубеже XVIII–XIX вв. – начало антириторической (реалистической) эпохи, когда слово, по словам Михайлова, «идет от действительности, от события и вещи», являясь средством, но не целью искусства. В Новое время слово утрачивает свою универсальность как поэтическое, ученое и одновременно моралистическое, становясь дифференцированным по функциям.

Благодаря работам Михайлова, а также С.С. Аверинцева и М.Л. Гаспарова риторика в начале 1980-х годов была заново открыта и возведена в рамки культурологической категории как стиль мышления и принцип творчества, а слово в словесности риторического типа выдвинулось как основной элемент литературы.

Это переосмысление риторики влечет за собой множество следствий, например, новый взгляд на оригинальность в творчестве. Согласно Михайлову, «усвоение поэтами риторики не противоречит тому, что текст возникает каждый раз как нечто новое и свежее... Монтирование из материалов, на изобретение которых автор сам не претендует, совершенно не исключает появления подлинного творения, даже если оно вбирает в себя чужие стилистические элементы»².

Михайлов выступал против формально-логических определений литературных эпох (барокко, романтизма, классицизма), видя новую теорию литературы как науку, открытую как в сторону исторической поэтики, так и в широкий историко-культурный контекст. Настаивая на историзации знания, Михайлов противопоставлял старому принципу историзма, который «только учил все ставить на свое место в истории (“конкретно-исторически”)), новый

²Там же. – С.115.

принцип историзации, который, «радикализуя наше сознание истории, велит нам рефлексировать взаимосвязь нашего и чужого, своего и иного в едином пространстве истории»³.

Преодолевая идею прогресса в искусстве, Михайлов обосновывает необходимость для исследователя «обратного перевода»: изучать произведение искусства в его изначальном историко-культурном контексте. «Надо, – писал он, – научиться переводить назад и ставить вещи на свои первоначальные места»⁴.

Этот метод, отмечает М. Надъярных, «как бы изначально подразумевается нелинейностью истории культуры, непрямойностью культурного процесса. То есть *метод современной истории культуры как науки...* в полной мере гносеологически соответствует возвратно-поступательному ритму самой истории культуры и самой истории литературы, не только постоянно обращающихся в своем имманентном движении к неким истокам, но и сохраняющих свои истоки в своей принципиально многомерной (многослойной), немонолитной, нестатичной целостности»⁵.

Идея обратного перевода связывается Михайловым с принципами исторической поэтики. Только та эпоха, писал ученый, «которая породила идею исторической поэтики, впервые ставит вопрос об обратном переводе, т.е. о том, чтобы вернуть произведения культур прошлого на положенные им места в целом историко-культурном генезисе, в их мир, поместить их в свои

³ Михайлов А.В. Актуальные проблемы современной теории литературы// Контекст-1993. – М., 1996. – С. 9.

⁴ Михайлов А.В. Обратный перевод. – М., 2000. – С.16.

⁵ Надъярных М.Ф. Проблема культурной динамики в методе А.В. Михайлова// Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры/Отв. ред. Л.И. Сазонова. – М., 2018. – С.198.

родные дома и вместе с тем понять всю обстановку их места и дома, то что названо расшифровкой языков культуры»⁶.

«Историческая поэтика» Веселовского, подчеркивает М. Надъярных, наметила основы нового – динамического – подхода к истории словесности, учитывающего принцип нелинейности. Оказионально было введено понятие «ретроспективности», обозначившее «все разнообразие возвращений к “забытым” (“вымершим”) сюжетам, образам, темам, оживающим в новом художественном видении... А.Н. Веселовский, в сущности (впервые в науке о литературе), осуществляет сравнительно-типологическую реконструкцию динамики смыслов словесности, впервые очерчивая контуры системы *возвратно-поступательных, нелинейных тенденций* в литературном процессе, выявляя в литературном процессе факторы и механизмы цикличности»⁷. И если в дальнейшем в отечественном литературоведении возобладал стадильно-линейный подход, то работы Михайлова вновь возвращают к нелинейной смысловой многомерности слова в его культурной и литературной динамике.

Согласно концепции Михайлова, отмечает Г. Данилина, «любой смысл, который создается писателем или его исследователем, неразрывно включен в “развернутость истории” своего времени и не может быть понят вне осознания этой связи. Историчность характеризует слово науки по способу его бытия столь же всеобъемлюще, как и слово художественное»⁸. Проблема самоосмысления, таким образом, – первостепенная для науки о литературе, но «докопаться до своего дна» она все равно не сможет «в силу историчности слова: мышление истории изменчиво и не может быть

⁶Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб., 2006. – С.44.

⁷Надъярных М.Ф. Указ. соч. – С.205.

⁸Данилина Г.И. «Слово на развалинах истории»: проблемы историзма и ключевых слов в поздних работах А.В. Михайлова// Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры/Отв. ред. Л.И. Сазонова. – М., 2018. – С.169.

формализовано на уровне аксиоматически бесспорных утверждений»⁹.
Прежний историзм, подразумевавший, что история литературы представляет собой процесс смены эпох в соответствии с социально-историческими закономерностями, больше не отвечает реальному положению дел. История становится «единовременностью», преобразуется в пространственность, и осмыслять ее следует по-новому, не как объект познания.

Новый историзм, по Михайлову, «настаивает именно на полной включенности исследователя в процесс того, чем тот занимается: с него же, с исследователя и вообще со всякого носителя исторического сознания, и начинается всякий раз восстанавливаться, реконструироваться и разворачиваться, раскрываться история»¹⁰.

Утверждение « *не историософски понятой проблемы истории* как реальной задачи и реального предмета “наук о культуре”» – таков, по мнению В. Махлина, вклад Михайлова в отечественную гуманитарную науку¹¹.

«Новый историзм» Михайлова – трансформация германского идеализма и романтизма. Ученый «поставил дело своей мысли, диалог с Германией, как грандиозную задачу соединения русской традиции “исторической поэтики”, возникшей тогда, когда век для России и Германии был един (почему и сопоставление научной программы Александра Веселовского и “Поэтики” Вильгельма Шерера не кажется натянутым), и германского проекта самокритики философского разума»¹².

Этот сюжет берет свое начало от В. Дильтея и через феноменологию Э. Гуссерля ведет к М. Хайдеггеру и к Г.Г. Гадамеру. «Замысел Дильтея – соединить теорию поэзии с теорией истории, заново найти и познать

⁹Там же.

¹⁰Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб., 2006. – С.233.

¹¹Махлин В.Л. Уроки обратного перевода (А.В. Михайлов и проблема русско-немецкого диалога)// Махлин В.Л. Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. – М., 2009. – С.486.

¹²Там же. – С.490.

познанное Аристотелем и всей классической традицией – вот, что, похоже, действительно отвечает интересам и задачам А.В. Михайлова как переводчика и исследователя Дильтея»¹³.

Научное творчество Михайлова, отмечает А. Афанасьев, – в русле особого направления в отечественной историографии и философии гуманитарных наук, представленного также трудами М.М. Бахтина и С.С. Аверинцева и отличающегося тем, что историческое знание «приобретает здесь статус основы и субстрата теоретизирования. Ключ к пониманию интенции научного поиска Михайлова обнаруживается уже в самом языке, который вырабатывает ученый. Этот язык принципиально лишен четкой структуры, кристальных дефиниций и устоявшегося терминологического аппарата»¹⁴. Для Михайлова характерно неразличение теоретического и «исторического»: «отвлеченному теоретизированию, продуцирующему общие и универсальные схемы и концепты, противопоставляется проблематизация оснований гуманитарного знания, которая понимается здесь как историзация его основных понятий... В конечном итоге его работа всегда была нацелена на поиск такого языка, который позволил бы, совмещая историко-культурное (преимущественно даже историко-литературное) исследование с исследованием теоретических проблем, через герменевтику “историко-культурных форм слова” (то есть анализ исторических трансформаций онтологического статуса слова) реконструировать “исторические принципы поэтического сознания” (на самом деле – типы творческого субъекта)». По Михайлову, именно поэтическое слово и литературное творчество в целом может дать все ответы на вопросы об историческом мире. «Литература» и «история» – ключевые понятия

¹³Там же. – С.494.

¹⁴Афанасьев А. Теория барокко А.В. Михайлова в его «науке о культуре». Запрет на «автоматические суждения»: фундаментальная филология в контексте модернистской парадигмы знания// Гефтер: журнал. 12.12.2016. – Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/20386>. Далее цитаты приводятся по этому источнику без дополнительных указаний.

гуманитарной науки для ученого, а «наука о литературе» практически синонимична «науке о культуре». Гуманитарное знание, по Михайлову, требует нового отношения к истории, которое «определяется пониманием исторического процесса как смены и сосуществования различных “языков культуры”, освоение которых осуществляется с помощью определенных герменевтических процедур (“обратный перевод”, “замедление”)... Открытие способности воспринимать “иное” как “свое” или, иными словами, наделение прошлого субъектными качествами и есть то, что понимается под предложенным Михайловым словосочетанием “новый историзм”. В историческом ракурсе перед нами, в известном смысле, – проблема усвоения традиции, реновация истоков собственной культуры через овладение языком прошлого... Освоение языка “Другого” и принятие “Другого” (здесь Михайлов выступает как наследник М.М. Бахтина) касается не только прошлого, но и современности, становясь фундаментальной коммуникативной проблемой». В работах Михайлова нашел свое развитие «герменевтический поворот», начатый в отечественной гуманитаристике М.М. Бахтиным и ознаменованный в литературоведении дрейфом в сторону философии. Опираясь на М. Хайдеггера, Михайлов «вплетает» «историческую поэтику» А.Н. Веселовского, зародившуюся в ситуации кризиса философии и потому стремления гуманитарных наук размежеваться с ней, в ткань складывающейся философско-герменевтической традиции, ставя однако на место «бытия» – «слово», которое в своем историческом развитии «становится для Михайлова подлинным субъектом исторического процесса, и именно в этом заключается его “герменевтический поворот”, имеющий следствием проект историзации гуманитарного знания... Прошлое здесь перестает быть объектом. “Новый историзм” Михайлова вырастает из его критики “модерноцентризма”: он снимает противопоставление прошлого и современного, отказываясь мыслить актуальное состояние науки как “вершину” ее “развития” и на основании этого лишает ее права на выработку критерия научности». Этот отказ от «модерноцентризма» есть отказ от того,

чтобы понимать свой «взгляд на вещи как исторически безотносительный и как естественный»¹⁵, то есть признание исторической относительности исследовательского взгляда. «Преодоление субъективности собственной исследовательской позиции означает у Михайлова открытость обратному влиянию исторического материала, его реактуализацию в современном контексте». В этом состоит переоткрытие оснований научности посредством историзации.

Сам научный язык Михайлова, пишет А.Афанасьев, «отражает это состояние проблематизации знания через требование отказа от предпосылок собственной позиции по отношению к прошлому и, таким образом, его историзации... Герменевтическая установка Михайлова сводится в итоге к тому, что работа с источником здесь рождает понимание того, как с ним работать, а не наоборот... если мы не овладеем языком источника и не заговорим с ним на его **собственном** языке (т.е. не осуществим “обратный перевод”), мы лишь получим подогнанный под наши готовые суждения материал, укрепимся в собственном заблуждении». Только отказ от рассмотрения человеческого сознания на протяжении веков в качестве константы позволит, согласно Михайлову, «снять ограничение для исторического мышления и создать предпосылки для формирования более адекватного образа человека разных эпох, постижения “конкретных типов культуры” и понимания различных “языков культуры”».

Михайловский принцип нового историзма реализуется в его подходе к языку науки. Сложность для литературоведа, отмечал ученый, состоит в том, что наука исследует постоянно движущийся материал, в то время, как ее терминологический аппарат в целом статичен. «Систематически построенный и продуманный терминологический аппарат терминов движения, – пишет Михайлов, – это большое преимущество для науки... он служит системой таких приспособлений, с помощью которых может

¹⁵□ *Михайлов А.В.* Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. – СПб., 2006. – С.231.

осуществляться исследование движущегося, текущего материала литературной истории»¹⁶. Термины движения – это, по сути, «строительные леса» – их «уберут, когда дом будет построен: эти леса стоят, между тем как дом возводится, т.е. постоянно находится в движении относительно лесов как неподвижного, статического и заранее “заданного” момента»¹⁷.

По Михайлову, каждое из «основных слов» науки выступает и как «слово культуры», как опыт ее самоосмысления. Поэтому «основное слово» должно быть понято в своем «историческом разворачивании», в совокупности и единовременности своих культурных смыслов, открывающихся как «иные» и противоречащие друг другу и в то же время проясняющие «свое», имплицитно скрытое содержание.

Ученый предпочитал говорить не о терминах, но о «ключевых словах» науки о литературе, потому что «термин это слово, возведенное в степень, что отгораживает его от слов обычного языка и замыкает в систему... Михайлов же дорожил тем в языке филологической науки, чем он неотторжим от естественного, обычного языка»¹⁸.

Слово теории, по Михайлову, находится «*в глубоком родстве со словом самой поэзии*»¹⁹. Назвав в нетерминологических категориях обыденного языка две творческие линии слова, идущие от Гёте и от Пушкина – *творчески-изобильное* и *творчески-экономное слово*, сам Михайлов, пишет С. Бочаров, примкнул к гётеанской традиции слова творчески-изобильного – «к старой риторической традиции, которую он облюбовал как поле своих

¹⁶□ Михайлов А.В. Проблемы анализа перехода к реализму в литературе XIX века////Михайлов А.В. Языки культуры. Учебное пособие по культурологии. – М.,1997. – С.43.

¹⁷□ Там же.

¹⁸□ Бочаров С.Г. А.В. Михайлов о языке филолога//Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры/Отв. ред. Л.И. Сазонова. – М., 2018. – С.60.

¹⁹□ Михайлов А.В. Языки культуры. – М., 1997. – С.17.

исследований, с любовью к сложному разветвлению мысли и к непрямому, кружащему, нелинейному ходу речи, к словесному изобилию и игре»²⁰.

Эта особенность научного стиля Михайлова отмечается многими исследователями. Как указывает А. Гугнин, ученый «писал так, словно он постоянно взвешивал каждое слово, вглядывался в него, прислушивался к нему, уточнял его значения и смыслы: словарные и контекстуальные, прямые и метафорические, современные и исторические. В результате читатель получает наглядную демонстрацию самого принципа научного мышления – научности не схоластической, но доподлинной, заставляющей погружаться не только в рациональную логику написанного текста, но и в сам процесс разворачивающегося прямо на глазах (то есть непосредственно при написании текста, а для нас – при чтении) исследовательского мышления»²¹.

Михайлова занимал «человеческий» аспект науки о литературе, состоящий, по его убеждению, в том, что «наука эта не может размежеваться с обыденными “просто человеческими” суждениями, и это *бытийная* ее черта. Напротив, попытки превратить науку о литературе в науку точную, работающую точными методами, несостоятельны не потому, что они, скажем, *не* осуществимы: всякая такая попытка, если бы она увенчалась успехом, создала бы *иную* науку по сравнению с той наукой о литературе, какая уже имеет свою традицию, и *вместе с тем* не имела бы малейших шансов упразднить *ту* науку о литературе, какая уже имеет свою традицию... Невозможность отмежеваться от “обыденных” суждений для всей науки и от “просто” человека в себе для литературоведа – это *просто* реальность *этой* науки, реальность, с которой надо *просто* считаться»²².

²⁰□ Бочаров С.Г. Указ. соч. – С.63.

²¹□ Гугнин А.А. «Магическое» литературоведение А.В. Михайлова и некоторые идеи В.И. Вернадского: попытка приближения к проблеме//Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры/Отв. ред. Л.И. Сазонова. – М., 2018. – С.72.

²²□ Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы. Стенограмма доклада, сделанного 20 января 1993 г. на заседании Научного совета ОЛЯ РАН//Литературоведение как проблема. Труды Научного совета «Наука о

Основная беда современной науки, по Михайлову, – разрыв теории и истории литературы, путь к преодолению которого ученый усматривал в «изучении *истории науки* » и «изучении истории *основных слов* , какими пользуется наука”».

Михайлов особенно выделял историю основных слов (терминов), необходимую для того, чтобы избавиться от принявшего масштабы эпидемии заимствования часто ничего не решающей терминологии из других наук. Что же касается истории науки, то, считал он, это – «не история ее преодоленного и превзойденного прошлого, а *история* ее сущности и *ключ* к ее сущности. Это, скорее даже, история ее будущего, в котором обязаны будут пере-строиться и найти себе новое место все известные и доступные нам *языки* знания о литературе с их, присущей им, неотъемлемой истиной»²³.

Несмотря на противоположность историко-литературных концепций Михайлова и Э.Р. Курциуса, перспектива риторики позволяет, как полагает А.Е. Махов ²⁴, усмотреть между ними взаимосвязь. Михайлов намечает возможность включить концепцию Курциуса в целое исторической поэтики как описание определенного этапа литературного развития – этапа «морально-риторического слова». Обоих ученых объединяет отношение к риторике как универсальной сверхформе европейской культуры, а не только лишь как к системе ораторских приемов. Они оба понимают риторику как «необходимое посредующее звено между знанием человека о себе, лежащим в основе всей европейской цивилизации, и поэзией/литературой. Именно

человеке в контексте наук о культуре». Памяти Александра Викторовича Михайлова посвящается. – М., 2001. – С.243–244.

²³□ *Михайлов А.В.* Актуальные проблемы современной теории литературы//Контекст-1993. – М., 1996. – С.14.

²⁴□ *Махов А.Е.* . А.В. Михайлов и Э.Р. Курциус: Два воззрения на литературный процесс из перспективы риторики//Жизнь в науке: Александр Викторович Михайлов – исследователь литературы и культуры/Отв. ред. Л.И. Сазонова. – М., 2018. – С.127–144.

риторика дает знанию то слово, благодаря которому знание может быть выражено в поэзии»²⁵.

Однако воззрение на европейскую литературу из одной перспективы у двух ученых различное. Курциус отрицает всякую стадиальность и стилевые эпохи, в то время, как для Михайлова именно в моменты перехода из одной стадии в другую происходит самое важное. По Курциусу, риторические топосы превращаются в поэтические клише, преодолевающие стилистические, жанровые и мировоззренческие границы и обуславливающие внутреннюю однородность европейской литературы до стадиального перелома, происходящего в XVIII в., когда риторическая традиция утрачивает свое значение.

По Михайлову, литературная реальность представляет собой не сплошную текучесть, но череду «переломов». Это – пять этапов: дориторического слова, «морально-риторической системы», этапа рубежа XVIII–XIX вв., суммирующего достижения риторического и дориторического слова, этапа антириторического и, наконец, этапа «литературного слова», пользующегося опытом традиции во всей полноте.

Обращение Михайлова к антириторическому слову реализма, отмечает Махов, «потребовало дополнить понятийную пару “поэзия – знание” (которую мы находим и у Курциуса) еще одним элементом: *жизнь* (реальность, действительность). Этот элемент Курциусом совершенно пренебрегается: на протяжении книги он неоднократно иронизирует по поводу попыток усмотреть свидетельства реальности в поэтических высказываниях, которые на самом деле, по его мнению, являются чисто литературными топосами»²⁶.

У Михайлова же в определенный период «жизнь» превращает пару «поэзия–знание» в триаду «поэзия–знание–жизнь», где автор переподчиняет слово своему видению жизни. «Если в риторическую эпоху знание было

²⁵Там же. – С.129.

²⁶Там же. – С. 136.

слито с “готовым” риторическим словом и также было, по сути, “готовым”, то в эпоху реализма знание – уже не готовое, “научное”, но непредсказуемое, жизненное; такое знание подчиняет себе слово»²⁷.

Михайлов, таким образом, в известном смысле синтезирует отрицающий значение реальности в литературном процессе подход Курциуса и «миметический» подход Ауэрбаха, поставившего во главу угла «отображение действительности».

Помимо отношения «поэзия–знание» риторическое слово вовлечено и у Курциуса и Михайлова в отношении «слово–образ». Курциус настаивает на доминировании слова как носителя мысли, у Михайлова слово и образ находятся в разных отношениях в различные эпохи. В морально-риторической системе доминирует слово, а образ служит субституту вещи. «Риторика, стремившаяся к эффекту наглядности – т.е. в известном смысле к образности, – мыслила образное начало словесно, как еще одну фигуру»²⁸. В антириторическую эпоху в диаду «слово – образ» также вторгается «жизнь»: «слово перестает быть самоцелью, занимая теперь подчиненное положение – оно умалчивается, даже уничтожается в реальности образа, жертвуя собой жизни»²⁹. Образ сливается с жизнью, а слово становится лишь инструментом, создающим «образ жизненной полноты»³⁰. Сами курциусовские топосы из практически неподвижных «констант», элементов формы, превращаются у Михайлова в динамичные моменты содержания, что ярко продемонстрировано в работе ученого «Поэтика барокко: завершение исторической эпохи» (1994).

²⁷ Там же. – С.137.

²⁸ Там же. – С.140.

²⁹ Там же. – С.141.

³⁰ Михайлов А.В. Методы и стили литературы. – М., 2008. – С.35.